

Ростовская ЕТАРИНА

Выпуск Ростовского отделения ВООПИК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 144

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

Пути Господни неисповедимы, - сказано очень давно, очень точно и лучше уже не придумаешь. Совершенно случайно, можно даже сказать, от нечего делать, я начала изучать историю ростовских купеческих семей, а теперь это занятие стало для меня настоящим спасением. Я с великим удовольствием читаю все, что

не надеялась, но подарить человеку его родословную - такая мечта была. Сроки я себе не устанавливала, но в течение этой зимы периодически изучала в нашем архиве документы, еще раз просматривала все, что опубликовано по истории ростовских фамилий и, к своей великой радости, генеалогическое древо купцов Рыкуниных

несмелый вопрос мне не только быстро ответили, но и пригласили в гости.

И вот я поднимаюсь по лестнице на второй этаж одной из московских высоток. Встречает меня Маргарита Васильевна - нынешняя жена Н.Н. Рыкунина, женщина очень обаятельная и энергичная (это с ней я разговаривала по телефону). Она прово-

некоторых других родственников. А потом вдруг сказал: «Обида у меня на ростовское начальство имеется... Несколько лет назад, когда я уже не выступал, захотелось мне вернуться в Ростов и, используя свой большой режиссерский опыт, возродить в городе театр. Я обратился с просьбой к администрации о предоставлении мне жилья в моем родовом доме. А через какое-то время пришел ответ: «Нет и не было в Ростове никаких Рыкуниных».

Мне оставалось только извиниться за чью-то невнимательность. Но была ли это просто невнимательность?

Мы еще поговорили, Николай Николаевич подарил мне буклеты времен его гастролей и копии старых фотографий и открыток, за что я ему глубоко благодарна.

Закончилось мое пребывание у Рыкуниных замечательным кофе в компании Маргариты Васильевны и разговорами о днях сегодняшних: о дочерях (их у Рыкуниных две: Наталья 25 лет и Ника 18 лет, обе собираются посвятить себя музыке), о милых кошках, которых в квартире обитает двенадцать, - и всех их девочки находили на улице, лечили, мыли и оставляли жить у себя.

Говорили о Московском кукольном театре, в котором работает Маргарита Васильевна, о том, что после долгого перерыва этот театр открывает, наконец, свои двери для зрителей.

На прощание мы пообещали друг другу держать связь через интернет, и, конечно же, я приглашала всех в гости - на историческую родину, в Ростов. Николай Николаевич провожал меня до двери. В свои 93 года он остается настоящим джентльменом.

Я надеюсь на новые встречи, надеюсь написать полную и подлинную историю семьи Рыкуниных.



по этой теме издает музей, хожу в архив, от души радуясь своим маленьким открытиям, а Кто-то сверху оказывает мне просто неоценимую помощь!

Вот уже почти два года в нашем городе успешно существует Дом ремесел, который находится в бывшем доме купцов Рыкуниных. История этой семьи никем не изучалась, и я решила познакомиться с ней поближе. Тем более, - я знала, что Н.Н. Рыкунин - Народный артист РСФСР - происходит из рода купцов Рыкуниных и родился здесь, в Ростове. Сейчас ему 93 года, он живет в Москве, т.е. существует живая связь времен.

На встречу Николаем Николаевичем

я «вырастила»! Конечно, не все документы изучены, наверное, еще много чего можно найти, но, начиная с середины XVIII в. и до сегодняшних дней, в этом древе «срослись» две ветви: одна выходит на хозяев дома на Подозерке (ныне Дом ремесел), а вторая - на дом Рыкуниных на Московском, 13, где и родился небезызвестный артист. Среди многих вопросов, которые оставались без ответа, первым был: фамилия матери Н.Н. Рыкунина, так как Метрические книги и Исповедные росписи Николаю Подозерской церкви в архиве имеются только до 1905 года. Ну, очень хотелось спросить об этом у самого Рыкунина! И это случилось. Телефон домашний нашлся легко, и на мой

заяет меня в кабинет, где я знакомилась с хозяином. Девяносто три года - это немало, природа, увы, не щадит никого: ни простых смертных, ни народных артистов... Оттого импозантного красавца, каким был Николай Николаевич в свое время (портреты и афиши в изобилии висят на стенах в кабинете), сегодня мало что осталось, но зато этот почтенный старец остался обаятельным, приятным собеседником, и разговор у нас получился интересным. Н.Н. много говорил о своей жизни, вспоминал о концертах в Ростове и Ярославле, о том, как тепло принимали их с Шуровым зрителями. Вспомнил ряд эпизодов из ростовского детства, свою матушку Марию Антоновну Губичеву и

купленные мужчины, после отработки оговоренного срока, принимались в крестьянскую общину, если здесь женились и были приняты в дом.

Нередко прошения о получении вольной в домовую контору через бурмистра вочинны подавали сами купленные люди, в особенности, когда купивший их крестьянин был сам уже отпущен на волю. Так, 9 марта 1828 г. контора уведомила пороческого бурмистра Самойлова о рассмотрении прошения об отпуске на волю вдовы Татьяны Степановны с двумя дочерьми. Женщины находились в работничку Ивану Яковлевичу Королеву, получившего вольную еще в 1820 г. и состоявшего в ростовском купечестве. Сообщение Самойлова от 7 апреля свидетельствует об их увольнении Иваном Королевым от своих услуг. Королев также ходатайствовал перед конторой об освобождении упомянутых лиц 7 июня Самойлову было приказано объявить Королеву, что помещик получил его прошение относительно оставления у него вдовы с дочерьми и «на оное не последовало осозволения». Из приведенной переписки видно, что вдова и две ее дочери все также состояли у Королева в работничках, но оставались крепостными В.Г. Орлова, были приписаны к с. Поречью.

Таким образом, вопрос о дальнейшей судьбе купленного лица решался вочинным правлением, домовою конторой с санкции помещика. Зачастую принималось решение «оставить в числе прочих имеющихся купленных на имя Государа графа и приказать отыскивать себе место, где пожелает быть в услугах». Источники показывают купленных людей в роли живого имущества ростовских огородников. Крестьяне могли их дарить, продавать, отдавать мужиков за себя в рекруты, завещать по наследству, отпущать на волю с согласия вочинного правления, домовою конторой и помещика.

Книга входящих сообщений, рапортов и объявлений ростовского земского суда содержит объявления увольнительных писем от крестьян огородных сел их бывшим крепостным. Например, в марте 1809 г. от крестьянина с. Поречья Ивана Николаевича Сорогина было дано объявление, в котором он представил увольнительное письмо на бывшую у него в работничках дворовую жену, вдову Марину Алексееву, купленную им у помещика Григорова,

сельца Курьянинова, Переславской округи.

Очевидно, что и в конце XVIII - начале XIX вв. рост товарного производства и неразрывно связанного с ним промышленного и сельского хозяйства предпринимательства несколько опережал расширение рынка рабочей силы. Крестьяне ростовских огородных селений старались восполнить недостаток свободной рабочей силы применением феодально-зависимого, крепостного труда. В отношении купленных помещици как бы переступали огородникам-предпринимателям, крестьянам-мануфактуристам свои феодальные привилегии. Уплачивая господам оброк деньгами, часто на более значительную сумму, чем остальные члены общины-крестьяне-предприниматели получали возможность использовать труд крепостных. И хотя к последним очевидно применялись меры экономического стимулирования в форме поденной оплаты труда, годового, месячного жалования, «корма», одежды, крова и т.д., однако, по сути, крестьяне-предприниматели извлекали в этом случае феодальную ренту. С одной стороны, купленные привлекались к огородным и заводским работам в обязательном порядке, т.е. труд их являлся принудительным при отсутствии добровольности купли-продажи рабочей силы, с другой - оставалась открытой возможность резкого увеличения эксплуатации путем завышения норм отработки или снижения размера их оплаты. Обязательность труда превращала его для купленных людей в отработочную ренту.

Документация домовою конторы Голицыных по ростовским вочинам также содержит сведения о приобретении крестьянами крепостных. Например, двка Дарья Федорова, в 1810 г. была куплена крестьянином с. Сулость Иваном Алексеевым Оксмовыми и «...крепостно проживала у него в доме при отправлении всех крестьянских работ» в течение 6 лет. Затем, получив от Оксмова вольную, став мясничной г. Ростова, по его просьбе осталась в доме, вместо наемной работницы «...безусловно оговорной плате, а на таком добросовестном условии, что он при случае моего от них ухода в цене меня не обидит». Тем не менее, после смерти хозяина, когда Дарья Федорова стала просить у его вдовы заработанные деньги, та начала «злобствуя запирается». По этой

XVIII - 1- XIX

причине 3 июня 1819 г. Дарья пришла написать жалобу на имя князя С.М. Голицына. Только после его распоряжения бурмистр с. Сулость собрал мирской сход, который присудил взыскать с Оксмовых плату за 6 лет ее труда по найму и выдать за каждый год по 25 руб. «рабочих денег». В данном случае производственные отношения, строившиеся на основе феодальной эксплуатации, трансформировались в отношении вольного найма, свободной купли-продажи рабочей силы и справедливого патронажа здесь вновь осуществил помещик.

Изменение численности крепостных у крестьян с. Поречье по ревизским сказкам.

	1795-1802	1815	1834	1858
Мужчины	86	33	24	7
Женщины	159	126	103	24

Таким образом, к середине XIX в. численность крепостных в хозяйствах ростовских огородников постепенно сокращается, уступая место вольнонаемному труду. Результатом такого двойственного положения было не только взаимное переплетение старых и новых производственных отношений, но в какой-то мере - одновременное развитие тех и других. Помещики и крестьянская община достаточно жестко регламентировали и контролировали производственные отношения. В эксплуатации крепостного труда входила практика заключения контрактов. После отмены крепостного права в 1861 г. данные лица оставались в селах у своих бывших хозяев в найме и в буквальном смысле вымерли в весьма преклонном возрасте. Священники в метриках 1860-1870 гг. их прямо называют - «рабы».

В целом, в первой половине XIX в. система эксплуатации рабочей силы в Ростовском огородничестве претерпела определенную эволюцию. Труд «купленных для услуг» - крепостных в хозяйствах ростовских огородников всё более заменялся трудом лиц разных податных сословий, работавшим по найму. Развитие отхожих промыслов представляло и расширяло количество необходимых для них рабочих рук, избыточных, лишних в соседних губерниях. Во второй четверти XIX в. уже преобладала система свободного найма рабочей силы. Складывается рынок наемного труда и конкуренция на нем.

В начале XIX в. в Ростовское купечество записался целый ряд экономических крестьянских семей. Среди них была семья Василия Ивановича Хранилова, крестьянина «Ростовской округи Спас-Подгорской волости деревни Красново». Его прошение для записи в купечество Ростова вместе с «женою Праксковицею Васильевною и сыновьями Иваном да Кузьмою» проходит под 1819 г. Купечество города согласилось принять его в свое общество, и в 1820 г., предъявив собственный капитал на 8005 р. 23 с 1/2 копейки, уплатив все установленные пошлины, В.И. Хранилов стал ростовским купцом 3 гильдии.

Его семья поселилась на Заровье, в приходе Леонтьевской церкви, в каменном 2-этажном доме со «строениями и землею». После смерти жены В.И. вступил в 1823 г. в брак с Анной Федотовной Ивановой, дочерью вольноотпущенного крестьянина.

Торговал он вместе сыновьями виноградным вином и имел ренсковый погреб. По-видимому, их торговля шла успешно, и к 1827 г. ассортимент продаваемых товаров расширился. Помимо вин, Храниловы стали торговать бакалеей, чаем, сахаром, а глава дела обратился к производству восковых свечей.

В 1836 г. за семьей Храниловых числится следующее имущество: дом на каменном фундаменте, построенный В.И. (совр. ул. Некрасова, д. 16), при нем каменный флигель, с деревянными постройками и землей (совр. ул. Некрасова, д. 18) в 10 квартале, на Спасской улице. А также 2-этажный каменный дом с деревянными строениями и землей в приходе ц. Леонтия на Заровье (совр. ул. Малая Заровская, д. 17); каменный 2-этажный дом с лавкой и землей в кремле города (куплен летом 1836 г. у Марфы Гавриловны Кайдаловой).

В 1840 г. В.И. Хранилов получил два плана-фасада на строительство в городе на Заравье на собственной земле нового дома вместо старого. К 1844 г. его семья имела уже две овощные лавки, ренсковый погреб

и сальный завод при одном из домов (к сожалению, пока неизвестно, при котором). Торговлю вели в лавках - Козьма и Иван, в погреб - Яков; на заводе распоряжался Николай.

На 1850 г. у Храниловых заводов для производства свеч становится уже два - один сальный, другой восковой. В «Книге учета фабрик и заводов» за 1850 г. говорится, что сальные свечи Храниловы выпускали «платье, на манер Англинских», а церковные - «катаные руками». Судя по количеству рабочих, заводы были небольшими. На них трудилось двое мастеров и четверо рабочих. Плата мастеру составляла 1 р. 50 к. в месяц, рабочему - 1 р. 20 к. Труд был ручным. Сальные свечи вырабатывалось 600 пудов, восковых - 310 п. ежегодно. Стоимость сальных свечей составляла 6 р. за пуд, белого воска свечей - 30 р., а желтого - 27 р. Сырье закупалось в Ростове, уезде и на Ростовской ярмарке, сало топленое - по 4 р. 50 к. за пуд. На нижегородской ярмарке приобретали воск белый по 2 р. 80 к., желтый - по 2 р. 50 к. Свечами торговали в Ростове и Ростовском уезде, и их производство, пусть небольшое, приносило верную прибыль.

Василий Иванович Хранилов скончался в 1844 г. в возрасте 70 лет. Его род продолжился во линиям сыновей, которых было восемь: от 1-го брака - Иван (1795-1871), Козьма (1799 - ок. 1864), от 2-го - Яков (1825-1855), Николай-старший (1826-1865), Петр (1827-1859), Константин (1830-1865), Николай-младший (1836-1869), Леонид (1838-1873). Из них только Иван прожил долгую жизнь, остальные умирали в возрасте 30 - 40 лет.

Самым ярким представителем семьи Храниловых был Иван Иванович (1829-1866) - внук основателя рода, сын Ивана Васильевича. Главной заслугой его была, как известно, реставрация церкви Ростовского Кремля в начале 1860-х годов.

Николай II 30 августа 1915 г. утвердил закон «Об обеспечении нужд беженцев», одобренный Государственным Советом и Государственной Думой. Он предусматривал выделение в 1915 г. в распоряжение Министерства внутренних дел 25 млн. руб. на безвозмездное «удовлетворение» нужд беженцев с отнесением расхода на «чрезвычайные» по гражданским ведомствам кредиты военного времени. Согласно отдельному приложению к закону, местное попечение о беженцах и дальнейшая забота о них возлагалась «на земские учреждения и городские общественные управления, с предоставлением им права приглашать лиц обоего пола, как из местных деятелей, так и из беженцев, а равно образовывать особые комитеты в тех местах, где указанные органы местного самоуправления признают это нужным <...> право организовывать попечение о беженцах предоставляется всем православленным приходам и прочим местным церковным общинам, без различия веры и национальности».

Обсуждая этот документ 7 сентября 1915 г., городская дума отметила, что еще до его опубликования уездный комитет принял на себя призрение о беженцах. Городская управа согласилась с организацией при уездном комитете общего земско-городского комитета помощи беженцам и предложила ввести в его состав лиц, избранных в уездный комитет от городского самоуправления: Д.С. Завьялова, И.А. Павлова, Л.Я. Богданова, Н.Г. Яковлева, А.И. Щербачева, Д.А. Иванова, В.Я. Дударева и кандидатом к ним А.С. Краснова. Учитывая, что в Ростове уже было около 700 беженцев, и они продолжали приезжать «большими партиями», а также «презрительность» городского общества, управа предложила думе обратиться к уездному комитету с предложением расселить их в уезде. Для оказания материальной помощи вновь учреждаемому комитету городское самоуправление 9 сентября 1915 г. решило «в дополнение к тем 250 руб., которые вырчены управою от устроенных гуляний в саду, ассигновать еще 500 рублей». Ввиду острой нужды в средствах деньги были выданы сразу из общих городских средств, которые впоследствии должны были покрываться из остатков по смете текущего года или же - сверхсметными поступлениями.

Для упорядочения работы по приему и размещению беженцев «на местах»

Первые славяне, судя по археологическим данным, появились на будущей Ростовской земле в первой трети 10 века. Их привлекали, в первую очередь, богатые пушным зверем леса и реки, населённые бобрами. Полученную добычу можно было удачно продать, ведь пушнина очень высоко ценилась на Востоке и в Западной Европе. Не случайно на поселениях этого времени (в том числе и в ранних слоях Ростова) археологи находят большое количество самых разнообразных бус и россыпи бисера, а иногда и серебряные арабские монеты – свидетели торговой активности. Но пришли славяне не в дикую пустынную местность – побережье озера Неро было плотно освоено финно-угорским племенем меря, которое к 12-13 векам растворилось в массе пришлого населения. Отом, насколько тесными были контакты мери и первооселенцев славян, говорит большое количество названий, которые нельзя объяснить из славянских языков. Все они хорошо знакомы ростовцам: Неро, Пужбол, Шуркол, Деболы (Деболовское), Варус, Ишня, Векса, Шула, Кучебж, Сара – список можно продолжать ещё очень долго. Мерянский язык не сохранился, но попытка понять их смысл можно, изучив несколько «живых» финно-угорских языков, к примеру, марийский, вепский и эстонский. Подобные названия в округе Ростова и Переславля изучает финская исследовательница Арья Альквист.

Славянские же названия, которые могли появиться еще в 10-11 веках, до сих пор не выявлены и не изучены. А возможна ли вообще такая работа? К примеру, как отличить название 10 века от названия 16 века? Во многих случаях это сделать действительно затруднительно. Например, название Песошня (Песочное) могло появиться когда угодно (до 1629 г., когда оно было впервые зафиксировано).

Поэтому в первую очередь необходимо выявить названия,

произошедшие от старинных славянских имен. Они начали выходить из употребления еще в 12 веке, а 15-16 веках встречались вообще очень редко. Сейчас их осталось очень мало (по сравнению наиболее распространенными греческими, латинскими или еврейскими – Александр, Алексей, Виктор, Дмитрий, Иван, Михаил, и др.) – это мужские имена: Владимир, Борис, Владислав, Всеволод, Вячеслав, Ярополк, Ярослав и женские имена – Людмила. Имена Глеб, Игорь и Ольга, как известно, имеют скандинавское происхождение.

В эпоху раннего средневековья вариантов славянских имен было больше. Они, как правило, состояли из комбинации двух основ. Самыми распространенными были основы гост-, мил-, мир-, нег-, слав-: Гостинег, Изяслав, Мирогост, Мирослав, Миронег, Милослав, Мстислав, Переслав, Радогост, Ростислав, Святополк или женские Ростислава, Ярослава, Предслава, Звенислава, Верхуслава и др. Их было так много, что не все они попали на страницы летописей или других документов. Значительное их количество может быть восстановлено по названиям населённых пунктов.

У каждой из вещей, хранящихся в Ростовском музее – свой путь в его собрание. Многие подарены и закуплены, немало появилось в послереволюционное время из упраздненных церквей и монастырей, национализированных дворянских усадеб и купеческих домов. Есть ожидаемые поступления из археологических раскопок и совершенно неожиданные, случайные находки. Такой находкой являются письма Константина Николаевича Мальгина, и история их появления в музее известна мне из первых уст. Две подружки нашли их в сундуке, пылившемся на чердаке д. № 12 на ул. Коммунаров, среди старинных вещей и фотографий. А 3 февраля 1974 г. жительница дома Анна Ивановна Кузьмина принесла эти письма в музей. Они ждали своего часа три десятилетия. В 2005 г. в XV

выпуске «Сообщений Ростовского музея» вышла небольшая статья О.Г. Киселевой «Письма купеческого сына Константина Николаевича Мальгина». Эту статью прочитал мой хороший знакомый, москвич В.А. Селиванов. Имя ростовские корни, серьезно интересуюсь историей купечества Ростова, он попросил меня поискать среди писем К.Н. Мальгина послания А.П. Селиванова, хозяина предприятия, у которого тот служил, и который приходится самому Владимиру Арнольдовичу прапрадедом. И вот я держу в руках толстую тетрадь писем Константина Николаевича, посланных из Петербурга в позапрошлом веке друзьям, жене, родным. Точнее – не писем, а копий с них, аккуратно подобранных и переплетенных. Читаю – и погружаюсь в 1891 год. Интересное, заманчивое и познавательное

чтение! Эти письма и их автор заслуживают пристального внимания и серьезного исследования, тем более, что имя его мне уже известно в связи с изучением истории рода Мальгиных.

К.Н. Мальгин (1859-?) не был «купеческим сыном». «Купеческий сын» – это человек, занимающийся торговлей или предпринимательством на семейные средства, но не являющийся главой этого дела. К.Н. принадлежал к сословию потомственных Почетных граждан и собственной коммерции не вел. Есть данные, что до 1890 г. он служил в армии – был «запасным унтер-офицером 4-го драгунского полка». Женясь, поступил работать приказчиком к купцу А.П. Селиванову. При этом Константину Николаевичу пришлось переступить через все свое самолюбие.

в полную собственность, очевидно, один из указанных наследников ростовский купец Иван Кузнецов, владевший им до 1874 г. При этом описание его домовладения почти не изменилось по сравнению с 1836 и 1863 годами: «На каменном фундаменте деревянный флигель с строением и садом». Правда, как видим, исчезло упоминание о каменном надворном строении. Сходное описание дома относится к 1874 г.

В следующем 1875 г. интересное нас здание было описано совершенно иначе: «Флигель низ каменный верх деревянный с строением и садом, купца Ивана Кузнецова». Данное описание вполне соответствует передней обращенной к улице части дошедшего до нас дома № 18. Следовательно, датой сооружения этой его части следует считать 1875 г. Возможно, дворовая двухэтажная часть рассматриваемого здания включает в себя элементы, возникшие еще в первой половине XIX в.

В 1877 г. дом перешел в собственность от Ивана Кузнецова к «царскосельскому» купцу Николаю Кузьмичу Кузнецову, который владел им до 1888 г. В следующем 1889 г. дом стал принадлежать купцу Ивану Алексееву Яйцову, «он же Фуртов». Он являлся хозяином дома до 1917 г. В советское время дом был национализирован. О каких-либо капитальных перестройках здания в последующее время документы не сообщают.



здания расположена деревянная митрополия, окруженная высокою каменной стеной, со многими башнями. Если войдем в ворота этой стены, находящиеся против того же моста, направо увидим церковь Иоанна Богослова, а налево церковь Одигитриевской Божьей Матери. Далее направо – древний митрополичий дом, ныне отстроенный для духовного училища; налево – ворота, ведущие к кафедральному собору, а над этими воротами – церковь Воскресения Христова. Идя по прежнему направлению, у выходных ворот справа увидим прежнее здание духовного училища. Выйдя из этих ворот, на левой

стороне увидим гостиный двор, а направо ряды деревянных лавок; далее идет безымянная площадь, которую назовем Рождественскою, т.к. на ней находится Рождественский монастырь. Из зданий на этой площади замечательны: здание, в котором помещаются городская управа, ремесленная управа, общество взаимного страхования от огня и общественный банк; другое здание, в котором помещаются земская управа и съезд мировых судей; третье – полицейское управление и пожарное депо с каланчою, а рядом с ним почта. В очень близком расстоянии от почты, в переулке – телеграфная станция.

Женская прогимназия находится против женского монастыря.

Войдем теперь в кремль у церкви Исидора Блаженного. На правой стороне увидим церковь, а прямо тянется улица, тоже безымянная. На этой улице находятся направо мясные лавки, здание, в котором помещаются 3 приходских училища, железный ряд; налево – общественный клуб, приготовительные классы женской прогимназии и музыкальные классы. Знакомьтесь, сравнивайте, узнавайте...

ими и собой в это время, а возьми мой совет такой: если Володя шалит, то накажи его. А потом немного погоди, когда поуспокоится – приласкай его и поцелуй, у тебя сердце-то и отойдет, оно не камень. А Верочка доставляет большое удовольствие, как говорит пословица: «Дай Боже в хороший час сказать, в худой промолчать». Все ей любуются: чистая красавица, веселенькая, полныякая, по ночам очень покойна, одно слово ангелочик».

Я процитировала только три письма. Всего их 231, и каждое добавляет пусть небольшую, но все же новую черточку к облику их автора.

Как эти письма оказались в Ростове? Можно предположить, что Константин Николаевич привез их сюда сам, переехав на родину из Петербурга, или кто-то из родных сохранил, как дорогую память.

В одном из своих писем 1895 года к брату Петру Николаевичу он сетовал: «... вот сын меня допекает, шалости на каждом шагу, да это все быничего, если бы слушался, но вот беда – упрямя! Ни ласка, ни побои, ни стыд, ничто не действует, – вполне сознаю, что у него мой характер, но не придумано, как бороться с ним...».

Я очень ярко видела Мальгиных-деток, они стояли перед глазами, как живые. И очень хотелось узнать, что же с ними, упрямым «вольничей» Володей и красавицей Верочкой стало?

И я получила желаемые сведения. Но они меня не обрадовали.

«Мальгин Владимир Константинович. Род. 1891 г. в СПб. Проживал в Игарке. Начальник метеорологической службы в Главном управлении Северного морского пути. Арестован 09.10.1937. Обвинение в III. Приговорен 23.05.1938. Комиссией НКВД и прокурором СССР к ВМН. Расстрелян 27.7.38. в Красноярске. Реабилитирован 07.03.1958. ВТ СибВО (П-9043)».

Вера Мальгина, которая уже в детстве обещала стать красавицей, полностью оправдала надежды родителей. Она действительно была очень хороша собой. Фотографию Веры взяла себе одна из девочек, нашедших письма, из-за удивительной красоты запечатленной в гимназическом платье девушки.

Она скончалась 16-летней, 15 марта 1912 года. Поминание «новопреставленной девицы Веры Мальгиной» было заказано Александрой Федоровной Мальгиной, дальней родственницей в Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре.

Если очень повезет, я увижу фотографию Веры. Мне обещали.

Но о том, что случилось с ее семьей, мы не узнаем никогда.

Все ушло. Остались только письма К.Н. Мальгина и отраженные в них картины может быть, самого счастливого времени его жизни.

